

ЖИТЬ СНАЧАЛА

Рассказы

БУХГАЛТЕР И КАТЕРИНА

Когда Катерина поняла, что влюбилась? Готовилась ли она к этому важному событию заранее? Просчитывала ли существующие варианты? Предчувствовала ли такую возможность еще вчера?

Не знаю, что вам ответить, господа философы, социологи, психоаналитики и другие любители покопаться в чужой голове. Если бы Катерина предполагала, что вы существуете, она бы наверняка вас пожалела, как жалела птенцов, выпавших из гнезда, как жалела мокрых слепых котят, ибо, выглядывая ранним майским утром в окно, она уже была влюблена.

Теплые, чуть пыльные лучи солнца так и стремились растворить в себе Катерину, ощущая под ее кожей пульсирующий источник — светящийся островок их далекой родины. Катерина потянулась и на миг закрыла глаза — этого хватило, чтобы свет снаружи встретился со светом внутри, и неразгаданная физиками и лириками главная реакция жизни началась.

Мир стал ярче, глубже, загадочнее, и теперь трех измерений для его описания не хватало. Оказалось, что и бег ветра по молодым листьям, и нестройное щебетание птиц — все несет в себе определенный смысл. Катерина стояла неподвижно, наблюдая за миром сквозь сомкнутые ресницы, она знала: резкое движение может спугнуть очарование. Давно знакомое, но почти забытое чувство, щекоча и поглаживая Катерину, разгорелось, разлилось по ее телу и настойчиво просилось наружу. Его стало много больше, чем может выдержать в себе человек. Катерина испытала потребность срочно поделиться им с кем-нибудь.

Инстинкт самосохранения? Инстинкт продолжения рода? Страх перед небытием? Ни то, ни другое, ни третье. Инстинкт сохранения мира — вот что это было такое.

Катерина попыталась пробудить спящего мужа, но тот, не выпадая из грез, неуклюже дернул ногой и спрятал красный ноздрястый нос между подушек. Тогда она направилась в соседнюю комнату хотя бы погладить по голове сына. Но дверь на его половину была заперта. Катерине каждый раз приходилось вспоминать, что сын уже несколько месяцев живет самостоятельной взрослой жизнью с подругой, репетируя зачатие внука.

Тогда Катерина занялась поиском полезных домашних вещей, нуждающихся в ее ласковых прикосновениях, но таковых найти не смогла: вся посуда была тщательно вымыта, а белье выглажено еще с вечера. Пространство квартиры не содержало предметов, готовых принять или разделить новое чувство Катерины.

До выхода на работу оставалось еще достаточно времени, поэтому она уселась перед зеркалом, открыла ларчик с косметикой и стала рисовать себя, чтобы с помощью теней, туши, помады и крема вывести внутреннее состояние наружу. Это было не сложно, ведь Катерина знала, чего хотела, и лишние вещи не мешали ей. Она не подкладывала вставки в бюстгальтер, не носила брюшной массажер, да и жир никогда не откачивала. Как и все, она подвергалась эрозии времени, но в отличие от многих мало ела и много двигалась, и, что самое главное, не было места алчности в ее душе.

Женщины, которые думают так же, как Катерина, пока еще есть. Впрочем, не будем усложнять. Скажем только, что в тот день выглядела она замечательно.

* * *

Бухгалтер, напротив, с самого раннего утра был атакован внезапным приступом иррационального беспокойства. Временами ему казалось, что кто-то или что-то пытается завладеть частью его существа. В поисках причин и следствий он дважды обошел приватизированную жилплощадь, но все вещи были на своих местах, все электроприборы отключены, газ и вода перекрыты. Тогда он решил, что источник неудобств таится в его внешнем виде: нередко человек, впопыхах причесавшись или побрившись, или же забыв заправить кальсоны в носки, или

сев на жевательную резинку, может растерять на глазах у коллег годами приобретаемый имидж. Он тщательно проверил состояние рубашки, галстука, носков и пиджака, а также носа и ногтей, и оценил их состояние от «хорошо» до «удовлетворительно». Однако беспокойство не покинуло его. Тогда бухгалтер решил срочно ехать в банк.

Время от времени некоторые животные проделывают огромный и часто опасный путь в поисках солевых месторождений. Соль земли необходима для поддержания жизнеспособного баланса их организма. Своя «соль земли», как в буквальном, так и в метафизическом смысле, есть и у человека. «Соленое» бухгалтера таилось в банке. Там, как нигде, проявлялось очевидное превосходство его профессии над любыми другими. Когда общество перерастает эпоху натурального хозяйства, когда мышление переходит из области предметов к предметообразам, тогда и землелепец, и солдат, и водитель, и водопроводчик, и даже предприниматель становятся вторичными персонами, целиком и полностью зависящими от действий бухгалтера. Подтверждая баланс, платежку или проводку иероглифом подписи и круглой печатью, бухгалтер запускает движение токов или потоков финансов, которые, в свою очередь, запускают всё остальное.

Наш бухгалтер умел перемножать в голове шестизначные суммы и помнил содержание всех своих папок наизусть. Перелистывая их страницы в своем воображении, он, обычно неспешный и чинный, вдруг, как ужаленный, вскочил с кресла, выбежал на улицу, сел в автомобиль и помчал на работу.

Зайдя в банк, бухгалтер, как обычно, поздоровался с управляющим, подшил в папку сведения о состоянии счетов, посидел в мягком кресле в центре светлого прохладного зала. Он хотел почувствовать ни с чем не сравнимый запах пронсящих над головой безналичных миллионов и миллиардов. Но сегодня деньги не пахли, а нестройно шуршали, как старые газеты, куврыкающиеся по асфальту. Тогда бухгалтер запаниковал окончательно, убежденный, что допустил ошибку при работе с бумагами.

Формы и принципы финансового учета остаются незыблемыми с конца шестнадцатого века, игнорируя и технический прогресс, и социальную модель мироустройства. Они не прощают летописцу помарок, ибо несут в себе генетический код отношений между людьми. Разбирающиеся в предмете люди, и тем более не разбирающиеся, знают, что в документообороте случайных ошибок не бывает. Посему настоящий бухгалтер не доверит ни одной даже самой умной машине бесконтрольные манипуляции с цифрами, он обязательно перепроверит все и запишет ровным мелким почерком в пыльные толстые папки.

* * *

Катерина прошла пешком две троллейбусных остановки, минут десять посидела на скамейке в садике, вдыхая свежий майский воздух, потом спустилась в метро. Подземный поезд повез ее под Невой, мимо старого кладбища, вдоль Невского проспекта и затем снова под той же рекой. Катерина вышла из поезда, и эскалатор поднял ее в самый центр Васильевского острова.

Катерина была слегка раздосадована поездкой: казалось, ни один из сотен встреченных ею людей не хотел замечать прелестей ясного утра, признаков пробуждающейся весны и общей удивительности жизни. Человеческие лица были будничные, выражающие расслабленное безразличие или напряженно перекошенные, словно от зубной боли или контузии. Суть утренних переживаний обитателей мегаполиса успешно описывалась национальной идеей, главным ее лозунгом: «Жизнь — это борьба говеного с дерьмовым». Если кто-то из этих увлеченных идеей «внутренней борьбы» интровертов и бросал беглый взгляд на Катерину, то в смущении отворачивался. Если он смотрел на нее снова, то уже с некоторой досадой или даже злобой. Интровертов неосознанно тянуло к этой красивой женщине. И дело было не в китайских вещах — маленькие желтые люди, трудолюбивые, как тутовый шелкопряд, оплели паутиной своих одноразовых цветастых товаров весь мир — дело было в самой Катерине, которой сегодня хотелось излучать и дарить. Интроверты же ничего никогда добровольно отдавать не готовы, и другое поведение обычно пугает их. Странные люди, и только.

Петербург — большой город, и, скорее всего, Катерина никогда не увидит этих людей снова, посему и мы навсегда забудем о них.

Меж тем, Катерина прошагала еще немного и вошла внутрь ничем не примечательного «сталинского» дома, миновала неподвижную фигуру охранника в черной псевдоэсэсовской форме, затем плотную кучку торговцев фьючерсами, похожих на братьев Кличко, открыла ничем не примечательную казенную дверь и оказалась на работе. Доставая из шкафа уборочный инвентарь — желтые резиновые рукавицы, лохматую швабру и блестящее никелированное ведро — она внимательно оглядела офис, по-хозяйски оценивая степень загаженности помещения, и увидела Его.

Мы не знаем, почему она не обращала на него внимания раньше, и почему теперь ее сердце сжалось, пронзенное сладкой болью. Для любого другого он был, пожалуй, просто одним из стандартных предметов, призванных эффективно заполнить типовой офис. Но мы не имеем права осуждать Катерину, равно как и смеяться над ней, ведь любовь непредсказуема. Он — мы назвали его бухгалтером в начале рассказа — сидел в углу комнаты за небольшим персональным столом и был такой пухлый и румяный, такой чистый и аккуратный, такой положительно-серьезный, что Катерина чуть было не приняла его за ангела.

Ей хотелось смотреть на него бесконечно долго, но обязанности заставили ее покинуть офис — надо было опустошить корзину для мусора и набрать в ведро свежей воды. Вода полилась через край, часть мусора просыпалась мимо — Катерина заторопилась, ей не хотелось оставлять Его одного. Вернувшись, она принялась за уборку и больше не сводила с бухгалтера глаз. Сегодня у нее не получалось контролировать швабру, скорее, лохматая швабра управляла Екатериной: несложные траектории влажных полос на сером линолеуме почему-то сводились к Нему. Такое возможно. Спросите у любой ведьмы, если не верите.

Одно было плохо: бухгалтер не реагировал на ее «па».

* * *

Он и в самом деле не замечал присутствия посторонней, сосредоточившись на папках с документами. В преисполненных достоинства движениях читались деловитая уверенность и спокойствие всезнающего человека, особенно в те моменты, когда бухгалтер переключал бумаги с места на место. Бухгалтер с детства привык хранить свои чувства внутри, прежде всего сомнения и страхи — то, что считается проявлением бессилия. Бухгалтер полагал, и не безосновательно: откройся он вдруг кому-то — его осмеют, унижат, оштрафуют, уволят, и прочее, прочее, прочее.

Единственное, что он мог себе позволить, так это сдерживать по чуть-чуть избыточное кровяное давление, вызываемое внутренним смятением, через сосуды лица. Подавляющее большинство сослуживцев и знакомцев принимали его вечно розовые щеки и уши за признаки стыдливости, скромности, а также физического здоровья. Диагноз устраивал бухгалтера: всегда лучше, если люди принимают тебя за кого-то другого. В этом случае окружающие обманываются дважды: в первый раз, когда неверно истолковывают набор внешних признаков, якобы характеризующих личность, во-вторых, когда принимают общаться с данным субъектом, основываясь на этом ложном представлении. То есть они общаются не с тобой, а стало быть, и не к тебе лезут в душу.

Что касается Катерины, которая обычно мысли не думала, а полагалась на чувства, то она приняла красные пятна бухгалтерских щек за выражение симпатии и возбужденности.

Наш бухгалтер, испытывая огромное потрясение, стал и вовсе пунцовым: проверка и перепроверка учетно-финансовой деятельности показывала отсутствие каких-либо, даже незначительных, ошибок и нарушений. Он не понимал, что с ним происходит, как ни силился.

А происходило с ним вот что: паника, о природе которой так много спорят и пишут в последнее время, выталкивала его сознание из джунглей счетов, проводок и ведомостей на поверхность человеческих отношений, туда, где иногда возникает любовь.

Любовь... она же случается неожиданно, хотя и предупреждает о своем появлении некими предощущениями. Любовь заставила бухгалтера поежиться, потерять влажную от напряжения переносицу, поднять глаза и, наконец, разглядеть Катерину, нагибающуюся к ведру. Бухгалтеру вдруг захотелось преодолеть тесное неудобство одежды, схватить эту незнакомую женщину и соединиться с ней навеки. Но когда он сообразил, что уже сорвал с себя галстук и расстегивает ворот рубашки, тогда испугался по-настоящему. Перед его глазами пронеслось все, что с такой точностью описывают сухие колонки цифр: он увидел коконы новорожденных в больничных палатах и услышал их крики. Он видел, как они произносят свои первые слова, как учатся ходить, и как кто-то из них, пораженный неизвестным недугом, заболевает. Он видел, как они взрослеют и, еще не став мужчинами, гибнут в безвестности во время запланированных локальных конфликтов. А уцелевшие не находят себе места в жизни, не находят в себе сил справиться с этим и не находят поддержки со стороны. Бухгалтер видел, как они, состарившиеся, нищие и беспомощные, беззвучно лежат в той же больнице, завернутые в тугие мокрые простыни.

Было непонятно, почему несчастий так много, почему их разнообразие, кажется, не имеет предела. Было неизвестно, кто и почему отмечает ими одних и оберегает других. Было страшно от осознания того, что формулы статистики в своей точности непоколебимы, но ничего не могут предотвратить и никого не могут спасти.

Бухгалтер знал слишком много; например, формулы, по которым рассчитывают расход газа и нефти, а значит, знал день, когда они кончатся. И еще он знал много чего, что запрещало ему думать о возможности продолжения жизни. Его личный испуг перешел в общественный страх. А страх превратился в космический ужас.

Неизвестно, что бы случилось с ним в следующий миг, не подойди к нему Катерина.

Она села на стул рядом. Она чувствовала, что происходит у него внутри, там, где между легкими, печенью и селезенкой начинается бесконечность. Она поняла и то, что сейчас ей нужен именно этот человек, и то, зачем он нужен ей.

Стало быть, пришло время действовать. Катерина вдохнула глубже, чтобы унять волнение, и сказала тихо: — Не нужно бояться, просто угости меня сегодня мороженым.